2144

РУССКАЯ РѢЧЬ

ВЪ СРАВНЕНІИ

СЪ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЮ.

Сочиненіе

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

841

Книжка первая.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Ѳеофила Гликсберга.

1845.

1к

Пров. 1931

„Пров. 49

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Кіевъ, 1845 года Іюля 25 дня.

Цензоръ О. Новицкій.

ООН
498
48

РУССКАЯ РѢЧЬ

ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЮ.

ОТДѢЛЪ I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О значеніи и происхожденіи слова. *

Человѣкъ возвышенъ надъ всѣми земными тварями своею разумною и безсмертною душою; ею отличенъ и далекъ онъ отъ животныхъ, какъ небо отъ земли: ибо у животныхъ душа только живая—чувственная и земнородная; въ человѣкѣ же, самимъ Богомъ вдохновенная, она есть образъ Божій.

* Вмѣсто введенія помѣщаю здѣсь мою вступительную лекцію, которою начато преподаваніе Русской Словесности въ Университетѣ св. Владиміра, въ Сентябрѣ 1834 года. Она была напечатана въ Ж. М. Н. Просв. 1835. кн. 1.

По столь высокому своему происхожденію и подобію, душа наша получила въ удѣлъ и свободную, творческую дѣятельность. Обладая этою дѣятельностью, душа необходимо имѣетъ и потребность и стремленіе выражать себя, являть свою внутреннюю жизнь: ибо и всякая жизнь въ мірѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, стремится обнаружить и явитъ себя, стремится изъ мысли сдѣлаться предметомъ.

Душа человѣческая имѣетъ три главные способа выражать свою внутреннюю, личную жизнь.

Во-первыхъ она выражаетъ себя въ образахъ, являемыхъ ею въ пространствѣ. Образы эти двухъ родовъ: или они тѣлесные (пластическіе), наполняющіе пространство веществомъ своимъ, опредѣляемые выпуклостями и впадинами, ощутимые для зрѣнія и осязанія; таковы произведенія искуствъ, называемыхъ ваяніемъ и зодчествомъ. Или же образы бываютъ безтѣлесные (оптическіе), только видимые въ пространствѣ, въ которыхъ вмѣсто тяжелой, вещественной массы — свѣтъ, тѣни да цвѣта; таковы картинныя произведенія живописи.

Другой способъ выраженія души, болѣе таинственный, происходящій въ пространствѣ только невидимымъ движеніемъ воздуха, совершающійся болѣе во времени, ощущаемый слухомъ: это з в у к и, коими владѣетъ музыка.

Каждымъ изъ этихъ двухъ способовъ человѣкъ выразилъ уже много тайнъ души своей, и геніи стяжали ими себѣ безсмертную славу; но оба они односторонни и не могутъ служить для выраженія души въ полнотѣ ея. Такъ музыка своими звуками приводитъ въ движеніе сокровеннѣйшія глубины сердца— звуками, которыхъ однихъ только въ иныя минуты и хочетъ душа; ибо часто одни лишь звуки летучіе, безпредѣльные, невидимые могутъ утолить душу въ грусти ея земнаго бытія. Не смотря на это, музыка почти ничего не говоритъ нашему воображенію и даже усыпляетъ его. Напротивъ живопись и ваяніе сильно дѣйствуютъ на воображеніе своими образами; но за то оставляютъ почти нетронутыми музыкальныя струны души нашей.

С л о в о есть третій, полнѣйшій и, можно сказать, собственнѣйшій и ближайшій душѣ

способъ ея выраженія, въ которомъ нѣтъ односторонности ни образа, ни звука, но въ которомъ тотъ и другой слиты въ совершенное, первородное единство и цѣлость.

Слово есть и звукъ: такъ же слышится, теряется въ воздухѣ, какъ звукъ музыкальный; но оно не состоитъ только въ простомъ, чистомъ измѣненіи тоновъ: это составляетъ только музыкальность слова.

Слово отличается еще особенною опредѣленностью въ стихіяхъ своего состава; оно есть звукъ органическій, членосоставный, или, какъ другіе говорятъ, членораздѣльный. Черезъ такую опредѣленность гласныхъ и согласныхъ членовъ слова, оно получаетъ удивительную изобразительность. Оно, дѣйствуя на душу какъ звукъ музыкальный, съ тѣмъ вмѣстѣ представляется ей и какъ опредѣленный образъ,—и можно сказать, что слово живописуетъ звуками.

Сліяніе звука и образа въ словѣ я уподобляю сліянію свѣта и теплоты въ огнѣ. И какъ огонь грѣетъ и свѣтитъ вмѣстѣ, такъ слово способно выражать теплоту чувства и свѣтъ

мысли, возбуждать ихъ въ другомъ, и такимъ образомъ быть истиннымъ пламенникомъ убѣжденія. И какъ въ мірѣ физическомъ о г о н ь есть стихія всеобщая и первородная, изъ которой все образовалось и въ которую все тлѣнное обратится: такъ въ мірѣ моральномъ с л о в о м ъ начинается, распространяется, и сохраняется просвѣщеніе человѣчества, сдерживается порядокъ государства, поддерживается частная жизнь общества; черезъ слово мы возносимся къ Тому, Кто далъ намъ слово вмѣстѣ съ жизнію и свѣтомъ, изъ чьего всемогущаго, первороднаго Слова исшелъ міръ съ своими образами и звуками.

Пламя есть символъ слова: и вы знаете, что даръ вѣщаго, пророческаго слова исходилъ съ небесъ на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ; вы знаете также, что на землѣ только одинъ человѣкъ обладаетъ даромъ слова и умѣньемъ управляться съ огнемъ . . .

Но возвратимся еще къ образамъ и звукамъ.— Кромѣ сказаннаго объ ихъ односторонности, замѣтить надо еще то, что эти средства выра-

жать себя получила въ удѣлъ и жизнь природы: и вся наша земная природа есть огромная мастерская, гдѣ несмѣтное множество видовъ жизни — безъ кисти, рѣзца, модели и топора— живописуется блестящими красками въ чудныя картины, отливается въ дивныя формы, строится въ необъятно-огромныя либо плѣнительно-красивыя зданія,—мастерская, поражающая насъ своимъ разнообразіемъ и вмѣстѣ дивнымъ единствомъ, гдѣ неисчислимое множество мыслей Художника Всевышняго непрестанно является въ созданіяхъ, въ которыхъ все жизнь— и цѣлое, и малѣйшая частица.

Въ природѣ есть всѣ художества. Въ ней найдете дивную архитектуру горъ, съ чудною кладкою ихъ слоевъ, съ непостижимомѣлкою и правильною складью кристалловъ.... Въ ней найдете всѣ украшенія, всѣ стили зодчества: тутъ живутъ и аканты чина коринѳскаго; растутъ стройныя колонны пальмовыя, возносящія на себѣ широколиственный куполъ стиля классическаго,—и мрачныя ели, теряющіяся въ небесахъ остро-

конечными шпицами готическаго вкуса. Живописны ландшафты природы,—не нашей бѣдной, истерзанной рукою нуждающагося человѣка, но еще непочатой природы, тамъ, гдѣ она представляется въ дикой красотѣ своей. Неисчислимы переливы и оттѣнки красокъ, которыми жизнь рисуетъ цвѣты, расписываетъ мотыльковъ, птицъ, морскихъ раковинъ,— красокъ, на которыя, кажется, истрачены милліоны блестящихъ радугъ... Какое разнообразіе формъ и какое дивное ихъ изваяніе представляетъ царство растеній, животныхъ и самаго человѣка!...

И такъ способъ выражаться пластическими и живописными образами не только свойственъ природѣ, но принадлежитъ ей первоначально и собственно: и человѣкъ, для выраженія себя образами, уже изъ нея заимствуетъ, по крайней мѣрѣ, вещество,— котораго создать не можетъ онъ ни малѣйшаго атома, и только пересоздаетъ, измѣняетъ его по собственной мысли, въ подобіе природы.

То же отчасти сказать должно и о звукахъ, которые у природы бываютъ не просто звон-

кіе, ясные звуки, механически переливающіеся изъ тона въ тонъ; но живые, страстные, одушевленные.—Надобно ли говорить здѣсь о голосистомъ соловьѣ и другихъ пѣвцахъ пернатаго племени?.. Каждый изъ нихъ, можетъ быть названъ живою, летучею пѣснею природы.

Но у нея есть другіе звуки— болѣе глубокіе, болѣе колоссальные и сложные.

Такъ, когда разбушуется зимняя буря, вслушайтесь внимательно въ нее: вы услышите чудный, дикій концертъ, наводящій глубокое уныніе на душу. Среди своего шума, и свиста, и завыванія, буря часто наполняетъ воздухъ живыми голосами:

„То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя...
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ...

Кому знакомо море, тотъ знаетъ глухой ропотъ и грустный шумъ его бездны, тотъ слышалъ дивныя, грозныя гармоніи, какія издаетъ оно, вздымая къ небесамъ тяжелыя волны.

Въ безлюдныхъ пустыняхъ тропическихъ изъ нѣдръ земли исходятъ иногда протяжные звуки, называемые „гласомъ природы.“ Эти звуки такіе грустные, что ни одинъ еще человѣкъ не могъ слышатъ ихъ безъ трепета и погруженія въ глубочайшее уныніе.

А эти величественные звуки грозы, ужасный гулъ землетрясеній и безмѣрный громъ вулкановъ, во время ихъ огненнаго дыханія!

Наконецъ, всѣмирная ученіе Пиѳагорово о „міровой гармоніи,“ соображая съ нимъ разныя преданія и случаи, мы допускаемъ, что въ природѣ вѣютъ постоянно еще особые гармоническіе звуки, неслышные для обыкновеннаго слуха, подобно тому, какъ для обыкновеннаго зрѣнія нечувствителенъ свѣтъ ночи, при которомъ однакожь видятъ не только ночныя животныя, но и люди въ особенномъ состояніи зрѣнія.—

Чтожь значатъ эти таинственные, всемірные звуки? Съ какой печали жизнь природы воздыхаетъ такъ тяжко въ своемъ пустынномъ гласѣ? О чемъ ропщетъ она непрестанно волнами глубокаго моря?— Есть и у природы

какъ и у души человѣка, свои скорби глубокія, свои думы завѣтныя . . . О чемъ же тѣ скорби и думы у нихъ, какъ не объ лучшей утраченной жизни... Природа выражаетъ ихъ въ многоразличныхъ неопредѣленныхъ звукахъ, но не можетъ высказать себя вполнѣ, ибо ей недостаетъ слова.

Слово въ началѣ было у Бога; все произошло черезъ Него, и безъ Него не произошло ничего въ мірѣ. Потому слово было первымъ воплощеніемъ Его мыслей, переходящихъ въ явленіе міра.

Изъ всѣхъ существъ, на землѣ происшедшихъ, Богъ одарилъ словомъ только человѣка, какъ образъ и подобіе Свое на землѣ, какъ существо, которому дарована душа безсмертная и разумная. Душа и слово живутъ вмѣстѣ, и въ человѣкѣ составляютъ они Божественныя свойства.

Слово Божіе было первымъ пѣстуномъ человѣка: человѣкъ слышалъ

и перенималъ обращенное къ нему Слово Божіе, и съ нимъ принималъ въ сердце свое свѣтъ жизни духовной, принималъ въ разумъ свой первые уроки Божественной, истинной Мудрости, которая заботилась о немъ и утѣшалась имъ, какъ мать своимъ младенцемъ. Высоко и могущественно должно было быть слово перваго человѣка, отъ самаго Бога имъ услышанное и перенятое; сильна была душа его, долженствовавшая выражаться въ словѣ столь высокомъ, и посредствомъ его властвовать надъ землею; ясновидящъ былъ разумъ его, долженствовавшій знать природу, дабы владѣть ею по волѣ... И вся первая, райская жизнь человѣка—когда земля, еще не умиравшая, была съ нимъ за-одно, и небо было такъ близко и доступно ему, и онъ былъ дѣйствительно жилецъ двухъ міровъ и ихъ живое соединеніе: такая жизнь—вся восторгъ, блаженство, и въ ней все—чудесно и свято.

Въ этой-то полной жизни было начало человѣческому слову, которое есть даръ Божій и Божественное свойство человѣка. Оно есть первоначальный, полнѣйшій, непосредствен-

ный способъ выраженія души, сообразнѣйшій съ ея существомъ и достоинствомъ.

Человѣкъ заговорилъ — по образу Божію; сталъ живописцемъ и музыкантомъ — по подобію природы. Человѣкъ сначала могъ вполнѣ высказывать себя словомъ; и надо полагать, что къ выраженію себя звуками и образами порознь, по подобію природы, онъ прибѣгъ тогда, когда душа его уже не обрѣла въ себѣ силы для непосредственнаго, прямаго выраженія себя словомъ,—когда онъ, для пополненія жизни своей, сталъ искать пособій въ природѣ.

Такое состояніе его могло произойти съ утратою полной, первобытной жизни: что и совершилось съ его паденіемъ. Съ этимъ роковымъ событіемъ человѣкъ потерялъ первородную силу слова; да и самая земная природа, съ паденіемъ царя своего, остановилась въ своемъ развитіи... Послѣ того дѣйствительная жизнь человѣка измѣлѣла и раздробилась; она осталась только съ воспоминаніемъ о золотомъ вѣкѣ своемъ—о прежнемъ счастьи, величіи, и объ утратѣ ихъ,—съ вос-

поминаніями, которыя уцѣлѣли еще въ разсѣянныхъ преданіяхъ народовъ, какъ въ наслѣдственныхъ остаткахъ погибшаго родового богатства. Память объ нихъ затаила въ душѣ темное чувство о лучшей жизни и высокомъ достоинствѣ человѣка, чувство, которое, пробуждаясь и проясняясь въ душѣ, устремляетъ ея дѣятельность на усовершеніе и возвышеніе человѣческой природы.—

Таковы у меня понятія о высшемъ значеніи слова и его происхожденіи...

Но есть другой образъ мыслей, по которому совсѣмъ иначе изъясняется происхожденіе и разумѣнія, и слова, и всего человѣческаго въ человѣкѣ. Почитаю не безполезнымъ изложить и этотъ образъ мыслей, принадлежащій механической или матеріальной системѣ.—

Послѣдователи этой системы воображали себѣ первобытнаго человѣка въ дикомъ, звѣроподобномъ состояніи, изъ котораго онъ будто выходилъ самослучайно и постепенно, по

мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ опытовъ, на которые онъ натыкался, побуждаемый различными нуждами. Одинъ изъ такихъ мыслителей доказывалъ, что человѣкъ вышелъ изъ животнаго состоянія и пріобрѣлъ человѣчность, потому только, что у него руки отдѣльно отъ ногъ...

Вѣрованіе въ первоначальную животность человѣка простиралось до того, что его не только ставили въ одинъ классъ со звѣрьми (отъ чего и теперь еще не отстали зоологи); но даже соединяли въ одинъ родъ съ орангъ-утангами, и только для отличія прописывали: nosce te ipsum.... Незавидное самопознаніе!

Какъ бы то ни было, но представлявшіе первобытное состояніе человѣка звѣроподобнымъ, допускали, что человѣкъ сначала кричалъ гласными звуками, потомъ выражался междометіями, потомъ у него накоплялись имена и уже въ послѣдствіи появились глаголы.

Точно такимъ же способомъ составленія производили они образованіе въ чело-

вѣкѣ разумѣнія, и всего, чѣмъ человѣкъ выше животнаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ не надо было даже животнаго; они разумѣніе человѣческое хотѣли вложить въ статую— и не какъ Пигмаліонъ, одушевившій созданіе рукъ своихъ горячимъ восторгомъ и полнымъ вдохновеніемъ души своей; но холодно-разсчетливымъ, механически-чувственнымъ, безжизненно-логическимъ ея образованіемъ.—

И всѣ мнѣнія свои матеріалисты почитали основанными на природѣ и разумѣ: и въ доказательство тому приводили постепенность образованія, повсюду замѣчаемую въ природѣ; ссылались на младенческій возрастъ самаго человѣка, столь близкій къ состоянію животному. Что кажется убѣдительнѣе этого и основательнѣе!... Но иное дѣло— особное (individualis), возобновляющееся образованіе существъ, уже находящихся въ природѣ, уже происходящихъ отъ своихъ предковъ; иное дѣло— образованіе существа впервые являющагося въ міръ, первороднаго и родоначальнаго. Впрочемъ и все то, чѣмъ хотѣли они подкрѣпить ученіе свое, не въ ихъ пользу.

Они ссылаются на природу; но что они могли узнать отъ нея, когда они видѣли въ ней только то, что угодно было видѣть имъ; когда они глядѣли на нее какъ на машину, состоящую изъ недѣятельнаго вещества, изъ грубыхъ атомовъ, приведенныхъ въ движеніе по законамъ чистаго механизма, и не видали уже ничего болѣе, недопускали ничего сверхъ-чувственнаго. Что могла открыть имъ такая страшная природа? что скажетъ безжизненный, обезглавленный трупъ?.. А между тѣмъ природа дѣйствительно должна быть для насъ прорицалищемъ истины; и мы не рѣдко должны вопрошать ее, для изъясненія себѣ души и слова человѣческаго. Ибо природа есть вещественное откровеніе мыслей Творца и воли Его,— и ея видимые образы суть явленія и воплощеніе жизни невидимой, суть отголоски Всемогущаго „да будетъ“—того Слова Божественнаго, которое потомъ вразумило и человѣка,— законы котораго живутъ еще какъ въ природѣ, такъ и въ душѣ человѣка, и въ словѣ, въ которомъ она открывается.

Они ссылаются на младенческій возрастъ. И дѣйствительно, младенецъ въ началѣ своемъ такъ много похожъ на животное... Но кто научаетъ его ходить, откуда его рѣчь, откуда его образъ мыслей и первое его умѣнье?... Отъ тѣхъ, кто уже умѣетъ ходить, говорить и дѣлать; самъ же собою младенецъ не развивается, но дичаетъ и дѣлается еще звѣроподобнѣе, чѣмъ родился. Въ немъ есть душа способная принять человѣчность, душа въ которой можетъ раскрыться глубина безконечная; но то и другое первоначально раскрывается извнѣ, черезъ наслѣдственное сообщеніе готовыхъ опытовъ жизни.

То же бываетъ и съ цѣлыми народами дикими—этими отрывками первобытно-цѣлаго человѣчества. Заброшенный вдаль, отлученный отъ человѣчества—иной народъ коснѣетъ вѣки въ одинакомъ состояніи, съ удѣльною долею преданій, языка, умѣнья, составляющихъ какъ бы волшебный кругъ жизни, изъ котораго онъ самъ собою не выходитъ и до тѣхъ поръ остается въ немъ, пока другой народъ съ большимъ развитіемъ, съ высшимъ свѣ-

томъ ума не сообщитъ и, такъ сказать, не привьетъ ему своего просвѣщенія. Тогда уже можетъ раскрываться въ немъ и собственная дѣятельность; и, смотря по условіямъ жизни, народъ можетъ достигать высокой степени образованія и участвовать въ ходѣ усовершенія человѣчества.—

Моглобъ быть иначе, и казалось бы достойнѣе было, еслибъ человѣкъ могъ прямо изъ себя и самъ собою раскрывать свою высокую природу. Но не такъ суждено Творцемъ, и не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ; а намъ именно знать надо не то, *какъ бы быть могло*: такъ или иначе? но то, *какъ было и есть*. Разумъ нашъ требуетъ знанія не логически-отрицательнаго, но исторически-положительнаго,— хочетъ судить не по законамъ возможности и необходимости своего частнаго, ограниченнаго разумѣнія; но по событіямъ дѣйствительнымъ, которыя часто не понятны, чудны для нашего разума, и выше высоты его, ибо происходятъ отъ Разума Всевышняго . . .

Все насъ убѣждаетъ въ томъ, что просвѣщеніе къ человѣку сначала приходитъ извнѣ и свыше. Человѣкъ сначала долженъ научиться отъ другихъ, воспитаться опытами готовыми, и уже послѣ того раскрывается въ немъ собственная, творческая дѣятельность души, и онъ собственнымъ трудомъ добываетъ новые опыты... живетъ уже самобытною жизнію, болѣе или менѣе плодоносною для человѣчества.

Такимъ образомъ и младенческій возрастъ человѣка, по способу первоначальнаго развитія въ немъ разумѣнія и слова, по той счастливой игрѣ жизни, которою вполнѣ наслаждается, оправдываетъ предложенныя мною понятія о первоначальномъ происхожденіи слова и разумѣнія, и о полной, счастливой жизни перваго человѣка— сего величественнаго младенца, котораго воспитателемъ былъ самъ Богъ, „открывающій младенцамъ то, что утаилъ Онъ отъ премудрыхъ и разумныхъ.“

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

О системѣ Славянскихъ нарѣчій.

§ 1. Какое мѣсто занимаетъ Рускій языкъ въ кругу соплеменныхъ ему языковъ Славянскихъ? Этотъ по многому важный вопросъ лѣтъ за 10 рѣшали у насъ не иначе, какъ по системѣ Добровскаго, т. е. Рускій языкъ поставляли въ одномъ разрядѣ съ языками Славянъ Задунайскихъ. Но съ 1836 года, у насъ и у Западныхъ Славянъ, стали рѣшать иначе этотъ вопросъ; и такъ, какъ онъ въ связи со всею системою Славянскихъ языковъ, то мы прежде всего взглянемъ на ея ходъ и измѣненіе.—

§ 2. По мнѣнію Добровскаго, Рускій языкъ составляетъ одно изъ 10 нарѣчій Славянскихъ и принадлежитъ къ одному разряду съ нарѣчіями Славянъ Задунайскихъ или Юго-западныхъ.

Разрядъ 1-й **Антскій.**	Разрядъ 2-й **Собственно-Славянскій.**
Въ немъ 5 нарѣчій:	Въ немъ также 5 нарѣчій:
1. Руское.	1. Словацкое.
2. Старославянское т. е. Церковное.	2. Чешское или Богемское.
3. Иллирское или Сербское.	3. Сорабское или Вендское Верхней Лузаціи (Верхнелужицкое).
4. Хорватское или Кроатское.	4. Сорабское Нижней Лузаціи (Нижнелужицкое).
5. Виндское т. е. Хорутанское.	5. Польское.

Это распредѣленіе 10 нарѣчій въ 2 разряда утверждено на извѣстныхъ примѣтахъ, которыя въ видѣ двухъ столбцовъ, въ каждомъ по 10 примѣтъ, выставляются обыкновенно подъ двумя разрядами.

§ 3. Система Добровскаго, по своему достоинству, имѣла большой успѣхъ въ филологіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ и большіе два недостатка. Первый недостатокъ состоитъ въ причисленіи Рускаго языка къ одному разряду съ Югозападными, тогда какъ

Сѣверозападные принимаются за особый разрядъ. Отъ этого первый разрядъ, въ сравненіи со вторымъ, неправиленъ по составу и несоразмѣренъ по объему. Другой недостатокъ заключается въ несоразмѣрномъ раздѣленіи Славянской рѣчи на нарѣчія, и въ поставленіи на эту степень Рускаго языка, наравнѣ съ нарѣчіями Хорватскимъ, Словацкимъ и даже обоими Лужицкими. Въ обоихъ случаяхъ несоблюдена постепенность сродства, безъ которой не можетъ быть системы правильной и естественной.

Исправить первый недостатокъ системы Добровскаго значило бы вовсе измѣнить ее. Но къ поправленію втораго недостатка представлялись два способа: 1, подраздѣленіе Рускаго языка покрайней мѣрѣ на два особыя нарѣчія, для уравненія ихъ съ прочими; 2, соединеніе нѣкоторыхъ Западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе правильныя и болѣе объемныя нарѣчія, для уравненія ихъ съ Рускими. Эти перемѣны были необходимы, не только по общему требованію систематическаго устройства, но и по особой сущности пред-

нета, т. е. по свойству самихъ нарѣчій, которое во многомъ выражено неправильно или совсѣмъ невыражено системою Добровскаго. Такъ напримѣръ, еще Шлецеръ принималъ какъ особыя нарѣчія—Болгарское, Лужицкое, Полабское. Но въ системѣ Добровскаго преждевременно исчезло нарѣчіе Полабское; недѣлимое Лужицкое нарѣчіе распалось на два; а Болгарское, столь особенное отъ другихъ Задунайскихъ, скрылось въ толпѣ поднарѣчій Иллирскихъ. По мнѣнію Шафарика и Копитара, Хорватское нарѣчіе должно присоединиться къ Сербскому, а Словацкое къ Чешскому. Мое утвержденіе (1827), что Малороссійское нарѣчіе должно быть отличено отъ Великорускаго какъ особый языкъ, оправдалось у Копитара, который, вмѣсто одного, принималъ два языка или нарѣчія: Южнорускій * (Ruthenica S. Microrussica) и Сѣверноруский (Russica).

* Нѣкоторые называютъ Южнорускій языкъ Русинскимъ, въ отличіе отъ Великорускаго, называемаго нынѣ по преимуществу Рускимъ. Но слово Русинскій также неправильно, какъ и Славянин-

§ 4. Съ особеннымъ вниманіемъ къ постепенности сродства, Шафарикъ старался поправить систему Добровскаго во второмъ ея недостаткѣ—вторымъ способомъ, т. е. соединеніемъ Западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе объемные отдѣлы, которые онъ назвалъ рѣчами.

Языкъ Славянскій.

Отдѣлъ I. Молвь (mluwa) Юговосточная.

1. Рѣчь Руская.
    1. Нарѣчіе Великоруское.
    2. Нарѣчіе Малоруское.
    3. Нарѣчіе Бѣлоруское.
2. Рѣчь Болгарская.
    4. Нарѣчіе Церковное или Кирилловское.
    5. Нарѣчіе Новоболгарское.

скій, Болгаринскій, Татаринскій. Слогъ инъ, употребительный въ существительныхъ народныхъ именахъ единственнаго числа, въ прилагательныхъ именахъ опускается также, какъ и во множественномъ числѣ существительныхъ. Только имена фамильныя удерживаютъ слогъ инъ во множественномъ числѣ и въ прилагательныхъ: Славянинъ, Болгаринъ—Славянскій, Болгарскій; но языкъ Булгаринскій значитъ языкъ Булгарина писателя, а не народа.

3. Рѣчь Иллирская.

6. Нарѣчіе Сербское.

7. Нарѣчіе Хорватское.

8. Нарѣчіе Хорутанословенское.—

Отдѣлъ II. Молвь Западная.

4. Рѣчь Лешская.

9. Нарѣчіе Польское.

5. Рѣчь Чешская.

10. Нарѣчіе Угрословенское т. е. Словацкое.

6. Рѣчь Лужицкосербская.

12. Нарѣчіе Верхнелужицкое.

13. Нарѣчіе Нижнелужицкое.

7. Рѣчь Полабская.

14. Нарѣчіе Древанское.—

Такимъ образомъ, по Шафарику, кругъ Славянскихъ нарѣчій дѣлится на двѣ молви, 7 рѣчей и 14 нарѣчій; Рускій языкъ составляетъ первую рѣчь въ молви Юговосточной.

§ 5. Шафарикъ полагаетъ, что такое распредѣленіе Славянскихъ нарѣчій, будетъ самое согласное съ сущностью предмета (Народопис. Сл. стр. 5). Эти слова мы охотно повторимъ о второмъ отдѣлѣ, который еще у Добровскаго означенъ вѣрно: Шафарикъ далъ ему надлежащую полноту и внутреннее устройство, если

не окончательное, то уже весьма удовлетворительное. Что касается до перваго отдѣла, то онъ, оставленный въ прежнемъ объемѣ и составѣ, неполучилъ и у Шафарика желаннаго устройства. Подведеніемъ Хорутанскаго языка, вмѣстѣ съ Хорватскимъ, подъ одну „Иллирскую рѣчь“ и соединеніемъ Болгарскаго языка съ Церковнымъ въ одну „рѣчь Болгарскую,“ прибавлены къ системѣ только двѣ искуственныя рѣчи. Обѣ онѣ очевидно пріурочены къ тому дѣленію Задунайскихъ Славянъ на два отдѣла, какое принято въ Старожитностяхъ Славянскихъ. По такое историко-географическое дѣленіе Славянъ не составляетъ еще необходимости принимать и двѣ рѣчи Задунайскія: въ Старожитностяхъ (стр. 483) Лужицкіе Славяне съ Полабскими составлены въ одинъ „Полабскій отдѣлъ;“ а между тѣмъ языкъ Полабцевъ и Лужичей въ Народописаніи приняты за двѣ особыя рѣчи.

Если языки Полабскій, Лужицкій, Польскій приняты за особыя рѣчи, тогда и Хорутанскій и Болгарскій должны-бы быть постав-

лены на ту же степень. По своей особенности, Болгарскій отъ Церковнаго, а Хорутанскій отъ Сербскаго, они не должны быть соединяемы съ ними въ одну рѣчь,—тѣмъ болѣе, что рѣчь у Шафарика принимается въ смыслѣ языка, какъ главнѣйшая степень сродства, которая „полагается основою и средоточіемъ“ систематическаго распредѣленія. Такихъ рѣчей и въ Югозападномъ отдѣлѣ конечно четыре, какъ и въ Сѣверозападномъ. Въ подраздѣленіи Руской рѣчи прямо на три нарѣчія сдѣланъ скочёкъ: невидно того ближайшаго сродства, которымъ Великоруское нарѣчіе связано съ Бѣлорускимъ и оба вмѣстѣ отдѣлены отъ Южнорускаго. Если при соединеніи нарѣчій имѣется въ виду постепенность сродства; то для ея соблюденія Юговосточный отдѣлъ слѣдуетъ дѣлить не прямо на три рѣчи, но прежде всего на два отдѣла: на Восточный или Рускій, и Южный или Задунайскій. Тогда въ искуственномъ Юговосточномъ разрядѣ будутъ по крайней мѣрѣ два отдѣла, сами по себѣ правильные и естественные, какъ отдѣлъ Сѣверозападный.

§ 6. Значительнѣйшую перемѣну въ системѣ Добровскаго сдѣлалъ Палацкій. Въ своей Исторіи Богеміи (1836, Томъ 1 стр. 55), Славянскую рѣчь раздѣлилъ онъ на три вѣтви:

1, Восточную или Рускую,
2, Югозападную или Иллирскую,
3, Сѣверозападную или Лешскую.

Но Иллирская или Югозападная рѣчь у Палацкаго представлена въ томъ же объемѣ, какъ у Шафарика, т. е. къ ней отнесены только нарѣчія Сербское, Хорватское и Хорутанское; Руская рѣчь представлена не сама по себѣ, а соединенно съ Болгарскою, какъ принималъ Венелинъ, дѣлившій Рускую рѣчь на Сѣверную, Южную и Болгарскую, и называвшій Церковнославянскій языкъ — старымъ Болгарскимъ. Такимъ образомъ въ дѣленіи Палацкаго, хотя сохранена особенность Сѣверозападной рѣчи; но разорвана связь Югозападной; Иллирской дано слишкомъ большое значеніе, какъ особой вѣтви, наравнѣ съ Сѣверозападною; а Болгарская, будучи отчислена къ соста-

ву Восточной или Рускоѝ, затемняетъ ея особенность и отдѣльность отъ нарѣчій Задунайскихъ.— Дѣленіе Палацкаго носитъ на себѣ характеръ Чешскоѝ школы, состоящій въ томъ, что Сѣверозападная рѣчь принимается за особый отдѣлъ, а Руская соединяется съ Задунайскими языками, со всѣми— какъ у Добровскаго и Шафарика, или только съ Болгарскимъ—какъ у Палацкаго.—

§ 7. Обратимся къ Славянщинѣ Задунайской: что тамъ выработала филологія для естественной системы Славянскихъ нарѣчій, и какъ она рѣшаетъ вопросъ о языкѣ Рускомъ?— Отдѣленная отъ насъ рѣкою Дунаемъ, она принимаетъ его границею и для нарѣчій. Представитель ея Копитаръ дѣлилъ всю Славянщину (Slavismus universus) на двѣ части: Задунайскую и Додунайскую *. Эти два отдѣла въ филологіи стар-

* Во избѣжаніе сбивчивости, я употребляю слова Задунайскій и Додунайскій, какъ они приходятся по отношенію къ намъ; у Копитара, какъ Задунайскаго Славянина (Крапица), эти слова (Slavismus Transdanubianus, Cisdanubianus) наоборотъ.—

ше, чѣмъ два разряда Добровскаго; ибо еще Катанчичь дѣлилъ Славянскія нарѣчія на Иллирскія (Южныя) и Сарматскія (Сѣверныя). Это отлученіе Задунайскихъ нарѣчій въ особый разрядъ и соединеніе Руской рѣчи съ Сѣверозападною, пусть будутъ отличіемъ школы Задунайской.—

§ 8. Копитаръ (въ Глаголитѣ, 1857) принималъ слѣдующіе Славянскіе языки или нарѣчія, неполагая разницы въ этихъ названіяхъ.

I. Славянщина Задунайская.

1. Языкъ Церковный.
2. Языкъ Болгарскій.
3. Языкъ Хорватосербскій или Иллирскій.
4. Яз. Словенскій или Хорутанскій.—

II. Славянщина Додунайская.

1. Языкъ Южнорускій.
2. Языкъ Сѣвернорускій.
3. Языкъ Польскій.
4. Языкъ Сорабскій т. е. Лужицкій.
5. Языкъ Чешскій съ Словацкимъ.—

И такъ здѣсь оставлены въ первой половинѣ одни Югозападныя нарѣчія; а Сѣ-

верозападныя поставлены во второй половинѣ, вмѣстѣ съ Рускими,—какъ бы въ оправданіе древней сказки о Чехѣ, Лехѣ, Руссѣ и сестрѣ ихъ Вендѣ.

§ 9. Сравнивъ систему Добровскаго съ Копитаровою, находимъ, что каждая изъ нихъ, выдѣливъ одну, ближайшую къ себѣ половину Западнославянской рѣчи, другую половину ея причисляетъ къ Руской. Тамъ изъ Славянскаго круга выдѣлена Сѣверозападная часть; а здѣсь Югозападная. Такимъ образомъ у Копитара выработался для системы Югозападный или Задунайскій отдѣлъ, столько же вѣрный въ объемѣ своемъ, какъ у Добровскаго Сѣверозападный: оба они оправдываютъ другъ друга и имѣютъ одинакое право въ системѣ. Что касается до Подунайской половины Копитаровой, то она также несоразмѣрна въ объемѣ и неправильна въ составѣ, какъ Юговосточный разрядъ Добровскаго; въ ней также затемнена особенность Сѣверозападной рѣчи, какъ въ томъ невидна особенность рѣчи Югозападной; у обоихъ одинаково невидны

значеніе и особенность Руской рѣчи. Потому и здѣсь также, для показанія постепенности сродства, необходимо подраздѣленіе на два отдѣла: на Восточный или Рускій и Сѣверозападный. У Копитара не выставлено филологическихъ примѣтъ, какими украшена система Добровскаго; но это лучше: не было по крайней мѣрѣ того обмана, какой произведенъ примѣтами Добровскаго.—

§ 10. И такъ, ни одна Западнославянская школа не опредѣлила ясно того мѣста и значенія, какое Руская рѣчь имѣетъ въ системѣ Славянской; а обѣ вмѣстѣ онѣ показали, что оба Западные отдѣла Славянской рѣчи соединимы съ Рускою, и что Западнославянская рѣчь равно къ ней близка въ обоихъ удѣлахъ своихъ.

У Добровскаго Югозападныя нарѣчія примкнуты къ Рускому посредствомъ Церковнаго. И это правдоподобно, особливо если возмемъ во вниманіе письменный языкъ Руси, который начавшись употребленіемъ Церковнославянскаго, хотя уже и обрусѣлъ, но остался Славянорускимъ. Въ такомъ разѣ

имѣетъ свою справедливость то мнѣніе Давыдова (Уч. Зап. М. У. 1834. кн. 2), что языкъ Церковнославянскій есть древній Рускій. Но такое мнѣніе, легко впадая въ крайность, производитъ хотя и господствующій, но превратный взглядъ на развитіе и коренныя свойства Рускаго языка, и на его отношеніе къ Церковному. Такъ, и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. стр. 79), собственныя, родимыя формы языка нашего называются „новыми, нынѣшними;“ а позднѣе принятыя у насъ формы Церковнаго языка, именуются „древними, старинными.“

У Копитара Сѣверозападныя нарѣчія примкнуты къ Рускому посредствомъ Польскаго. И это также правдоподобно, особливо если возмемъ во вниманіе письменный Западнорускій языкъ: въ 17-мъ вѣкѣ онъ точно былъ Польскорускимъ. Въ такомъ разѣ очень могъ говорить Гречь, что „Малороссійское нарѣчіе можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка Польскаго, къ коему оное составляетъ переходъ отъ Рускаго.“ (Простр. Грам. 1827 стр. 35). Но отсюда проистекаетъ другое за-

блужденіе, по которому коренныя Южнорускія слова и формы, неизвѣстныя въ избранномъ Рускомъ языкѣ и сходныя съ Польскимъ, называются Польскими и считаются заимствованіемъ изъ Польскаго,— хотя такія слова встрѣчаются въ древней Руской письменности, и ведутся въ другихъ нарѣчіяхъ Западнославянскихъ, и даже Рускихъ.

§ 11. При такомъ направленіи системы соединять Рускую рѣчь съ отдѣлами Западными, оставалось ей еще два опыта. Или разрознить Рускую рѣчь, подобно Западнославянской, и присоединить одну часть Рускій къ одной Западной, а другую къ другой. Но единство и цѣлость Рускій рѣчи такъ ясны и очевидны, что никакая система не рѣшится на такой дѣлежъ. Оставалось еще для системы: не одинъ, а оба Западные отдѣла соединить съ Рускою рѣчью, въ общую цѣлость рѣчи Славянской, и различать въ ней только нарѣчія съ ихъ видоизмѣненіями, какъ онѣ исчислены, напримѣръ, въ Исторіи Карамзина или у Шлецера. Но для системы Славянскихъ нарѣчій, это значило бы

отказаться отъ своего дѣла, послѣ первыхъ неудавшихся опытовъ.

§ 12. Повѣрка системы Добровскаго системою Копитаровою показываетъ ясно, что въ нихъ, для системы Славянскихъ нарѣчій, выработались уже два правильныхъ отдѣла: Югозападный и Сѣверозападный. И если ихъ означить особо въ кругу Славянскомъ, то въ немъ останется сама по себѣ Восточная или Руская половина его, у Шафарика названная Рускою рѣчью, у Копитара принятая за два особыхъ языка или нарѣчія.

И она дѣйствительно составляетъ особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу Славянскомъ. Не предоставивъ ей такого значенія, система неизбѣжно допускаетъ одинъ неправильный разрядъ, въ которомъ и самостоятельность Руской рѣчи невидна, и теряется особенность одного Западнаго отдѣла: отъ этого затемняется сродство Славянскихъ нарѣчій на первыхъ, главныхъ своихъ степеняхъ. Руская рѣчь не можетъ быть соединена съ которымъ нибудь однимъ Запад-

нымъ отдѣломъ, безъ того, чтобы не нарушилось равновѣсіе и правильность системы; слѣдственно, она и по этому должна быть принимаема какъ особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу Славянскомъ.—

§ 13. Таковъ выводъ изъ прежнихъ опытовъ системы; и она необходимо должна была отъ нихъ перейти къ новымъ, гдѣ Рускому языку было-бы дано самостоятельное мѣсто въ кругу Славянскомъ, отдѣльно отъ всѣхъ Западнославянскихъ языковъ. При такомъ выводѣ, изъ системы Добровскаго, начинающейся съ Рускаго языка, возникаетъ само собою слѣдующее дѣленіе на три разряда:

1, Восточный или Рускій,
2, Югозападный или Задунайскій,
3, Сѣверозападный.

Такое дѣленіе обнародовалъ Надеждинъ 1836 года (въ Телескопѣ, кн. 1). У него Руская рѣчь, кажется впервыя, представлена въ надлежащей самостоятельности и отдѣльности отъ всѣхъ Западнославянскихъ языковъ; а Югозападной или Задунайской предоставлена

та цѣлость, какую имѣетъ она въ системѣ Копитаровой. Этимъ Надеждинское дѣленіе существенно отличается отъ современнаго и подобнаго себѣ дѣленія Палацкаго.

Рускій или Восточный разрядъ по Надеждину (Энцикл. Лекс. IX. 1837.) дѣлится прямо на три языка—Великорускій, Южнорускій и Бѣлорускій,—чему послѣдовалъ и Шафарикъ, назвавъ эти языки нарѣчіями.—

Дѣленію Славянскаго круга прямо на 3 разряда послѣдовалъ Срезневскій (Ж. М. Н. Пр. 1834 кн. 4.), въ своемъ распредѣленіи Славянскихъ нарѣчій, которыхъ онъ считаетъ 12:

1. Восточныя: Великоруское и Малоруское.
2. Югозападныя: Старославянское Церковное; Болгарское; Сербское и Хорватское; Хорутанское.
3. Сѣверозападныя: Польское, Полабское, Лужицкое, Чешское, Словацкое.—

§ 14. При вышесказанномъ выводѣ, Копитаровское дѣленіе приняло бы такой видъ:

1 разрядъ Задунайскій или Югозападный.
2 разрядъ Рускій или Восточный.
3 разрядъ Сѣверозападный.—

Такимъ дѣленіемъ оправдалась бы давняя мысль Востокова (1820), что Рускій языкъ

составляетъ средину между двумя Западными отдѣлами. Но такое дѣленіе, кажется, не возникало; тѣмъ болѣе, что понятіемъ средины не выражается въ системѣ ни отношеніе Руской рѣчи къ Западной, ни постепенность сродства вообще; притомъ же—два Западные отдѣла, и безъ того разрозненные, разошлись бы вовсе на противоположные концы.—

§ 15. Западнославянская филологія, присоединяя Рускую рѣчь къ одному изъ двухъ Западныхъ отдѣловъ, не признала ихъ ближайшаго, взаимнаго сродства, по которому они какъ два родные брата. Мнѣ казалось необходимымъ пополнить этотъ пропускъ; и чтобы система сколько можно болѣе выражала постепенность сродства, я составилъ въ 1836 году распредѣленіе, нѣсколько отличное отъ прежнихъ.

По моему понятію, кругъ языковъ и народовъ Славянскихъ дѣлится прежде всего на двѣ половины:

1, Восточную или Рускую;

2, Западнославянскую.

Эти половины выражаютъ собою ту степень сродства, на которой коренная Славянская рѣчь разошлась въ двѣ первоначальныя вѣтви. Здѣсь Руская рѣчь принимается соотвѣтственною не одному какому-либо Западному отдѣлу, но обоимъ вмѣстѣ,— и они къ Рускій рѣчи относятся, какъ разрозненныя дѣти родной сестры ея— рѣчи Западнославянской.

§ 16. Каждая половина подраздѣляется опять на двѣ, ближайшія другъ къ другу части—Южную и Сѣверную, которыя составляютъ собою новую степень сродства и могутъ называться удѣлами. Здѣсь Руская рѣчь дѣлится на Южнорускую и Сѣвернорускую; а Западнославянскія нарѣчія соединяются въ два удѣла—Югозападный и Сѣверозападный. Такимъ образомъ въ Славянскомъ кругу различаются 2 половины и 4 удѣла, которыми выражается сродство Славянскихъ нарѣчій въ своихъ высшихъ степеняхъ.—

§ 17. Въ Восточной или Рускій половинѣ, гдѣ природа Славянская сохраняетъ полно-

ту бытія своего, и Славянская рѣчь является болѣе единою и цѣлою, чѣмъ въ половинѣ Западной.

I. Рѣчь Южноруская—въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ запечатлѣна наибольшимъ единствомъ, и составляетъ одинъ языкъ Южнорускій. Въ немъ можно различать 2 нарѣчія:

1. Нарѣчіе Малорусское, съ поднарѣчіями: Кіевопереяславскимъ, Волынскимъ, Слобожанскимъ, Сѣверскимъ.

2. Нарѣчіе Червонорусское, съ поднарѣчіями: Галицкимъ и Карпаторускимъ, болѣе другихъ особеннымъ.

II. Рѣчь Сѣверноруская—разнообразна болѣе Южноруской, и состоитъ въ двухъ главныхъ видахъ:

1. Великорускомъ;

2. Бѣлорускомъ или Литовскорускомъ.

Принимать ихъ можно за два особыхъ языка; но еще вѣрнѣе, кажется, называть ихъ только нарѣчіями одного Сѣвернорускаго языка.

Во всякомъ случаѣ они составляютъ одно цѣлое, — и потому въ системѣ должны быть

неразлучно, подъ общимъ именемъ, равно идущимъ къ обоимъ: таково названіе Сѣверноруского. Разности этихъ двухъ главныхъ Сѣверноруских наречій неприведены еще въ желанную извѣстность, также какъ и Южнорускія, и требуютъ новаго систематическаго преслѣдованія. Пока оно состоится, я повторю здѣсь то распредѣленіе Великорускихъ наречій, какое предложено въ моей Исторіи Древней Руской Словесности, 1839 г.

а.) говорящія на О.

1. Наречіе Верхнерускоe, котораго средоточіе въ поднаречіи Новгородскомъ.
2. Наречіе Нижнерускоe, котораго средоточіе въ поднаречіи Суздальскомъ.

б.) говорящія на А.

3. Наречіе Среднерускоe, котораго средоточіе въ поднаречіи Рязанскомъ.
4. Избранное наречіе Московскоe, которое изъ Москвы распространилось по всей Руси и составляетъ теперь языкъ Общерускій или собственно такъ называемый Рускій — представитель всей Руской рѣчи.

§ 18 Въ Западной половинѣ, по разрозненному бытію народовъ, а можетъ быть и по врожденному стремленію къ разнообразію, Сла-

вянская рѣчь произошла болѣе разъединенною и различною, чѣмъ въ Восточной.

III. Въ рѣчи Югозападной, послѣдуя Копитару, можно принимать 4 языка:

3. Церковнославянскій.
4. Болгарскій.
5. Сербскій съ Хорватскимъ.
6. Хорутанскій.

IV. Въ Рѣчи Сѣверозападной, послѣдуя Шафарику, можно принимать также 4 языка:

7. Польскій.
8. Чешскій съ Словацкимъ.
9. Лужицкій.
10. Полабскій.

§ 19. И такъ въ Славянскомъ кругу будетъ десять языковъ; а если, послѣдуя Добровскому, отличить особо Хорватскій и Словацкій, то двенадцать. Всѣ они соединяются въ 4 удѣла и 2 половины, и составляютъ одну Славянскую рѣчь.

Славянская рѣчь.

I. Руская или Восточная.	II. Западная.
1. Южноруская.	3. Югозападная.
2. Сѣверноруская.	4. Сѣверозападная.

Въ такомъ видѣ я представляю систему Славянскихъ нарѣчій, выражающую главныя степени сродства ихъ.

---

§ 20. Соотвѣтственно этому дѣленію Славянской рѣчи, и въ Славянскомъ племени будутъ тѣ же 2 половины, 4 удѣла, и въ нихъ 8 народовъ; а если Хорватовъ и Словаковъ признать за особые народы, то 10.

Племя Славянское.

I. Половина Восточная.

Рускіе или Восточные Славяне.

1. Удѣлъ Юговосточный.

1. Народъ Южнорускій.	**13, 144,000.**
1. Малороссіяне.	10, 370,000.
2. Червонорусскы.	2, 774,000.

2. Удѣлъ Сѣверовосточный.

2. Народъ Сѣвернорускій.	**38,040,000.**
1. Великороссіяне.	35, 314,000.
2. Бѣлорусскы.	2,726,000.

II. Половина Западная.

Западные Славяне.

3. Удѣлъ Югозападный.*

3. Народъ Болгарскій.	3,587,000.
4. Народъ Хорватосербскій.	6,095,000.
1. Сербы.	5,294,000.
2. Хорваты.	801,000.
5. Народъ Хорутанскій.	1,151,000.

4. Удѣлъ Сѣверозападный.**

6. Народъ Польскій.	9,365,000.
7. Народъ Словеночешскій.	7,167,000.
1. Чехи и Моравяне.	4,414,000.
2. Словаки.	2,753,000.
8. Народъ Лужицкій.	142,000.
Итого всѣхъ Славянъ***	78,691,000.
Рускихъ	51,184,000.
Западныхъ	27,507,000.

* Народъ, у котораго Церковнославянскій языкъ заимствованъ для письменнаго образованія Кириллом и Меѳодіемъ, уже не существуетъ отдѣльно. Кажется, что то были Славяне Македонскіе, вошедшіе въ составъ народа Болгарскаго. Но по мнѣнію Копитара, то были праотцы нынѣшнихъ Хорутанъ или Словенцовъ.

** Народъ Полабскій почти забылъ свой языкъ и уже обнѣмечился, какъ и прочіе Славяне Балтійскаго Поморья.

*** Счетъ Славянъ заимствованъ изъ Шафарикова Народописанія, 1842.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Сочиненіе, начатое этою книжкою, названо **Рускою** *Рьчью для означенія, что въ немъ разсматривается не одинъ избранный, собственно такъ называемый* **Русскій языкъ**, *господствующій теперь въ Россіи; но всѣ нарѣчія, принадлежащія Рускому люду и составляющія одну Рускую рѣчь. Здѣсь она разсматривается собственно въ тѣхъ свойствахъ и отношеніяхъ, которыми—или опредѣляется ея мѣсто въ цѣломъ Славянскомъ кругу, или отличается она отъ рѣчи Западнославянской; потому здѣсь наибольшее обращено вниманіе— на* **филологическія примѣты**, *которыми Руская рѣчь напрасно соединяется въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ Задунайскихъ,— и на* **полногласіе** *Рускій рѣчи, отъ котораго зависитъ ея отличіе отъ Западнославянской, и которое несправедливо считается не древнѣйшимъ и кореннымъ, а позднѣйшимъ и пришлымъ въ ней явленіемъ.*

На такое понятіе о полногласіи Рускій рѣчи, и на ея причисленіе къ одному разряду съ Задунайскою, я смотрю какъ на два привычныя заблужденія Славяно-

Рускій Филологіи, отъ которыхъ пора бы ей освободиться. Мои понятія объ этомъ не новость, ибо они были высказываемы въ моихъ прежнихъ сочиненіяхъ; но здѣсь они излагаются обстоятельнѣе и подробнѣе. Для кого занимательны подобные филологическіе вопросы, тому конечно не будетъ чужда моя Рускаѧ Рѣчь, изданіемъ которой желаю принесть и мой складъ въ основаніе Рускій Филологіи — какъ Науки.

Вторая книжка содержитъ въ себѣ: статью о степеняхъ сродства, и 4 статьи о звукѣ Л послѣ губныхъ.

Въ первой книжкѣ, на стр. 27, по ошибкѣ напечатано:

10. Нарѣчіе Угрословенское т. е. Словацкое.

Вмѣсто этого должно такъ:

10. Нарѣчіе Чешское.

11. Нарѣчіе Угрословенское т. е. Словацкое.